

Владимир
Маяковский

Стихотворения
Поэмы
Пьесы

Москва, 2017

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М39

Маяковский, В. В.

М39 Стихотворения. Поэмы. Пьесы / В. В. Маяковский. – М. : Т8RUGRAM, 2017. – 678 с.

ISBN 978-5-521-05293-6

Владимир Маяковский – выдающийся поэт XX века, лидер русского авангарда и футуризма. Поэт, который "к штыку приравнял перо", стал голосом революции и символом советской эпохи. Однако его творчество не ограничивается одной только гражданской тематикой.

Данное издание познакомит вас с многогранной личностью автора: с Маяковским-сатириком, Маяковским-оратором, Маяковским-драматургом и Маяковским-романтиком; что позволит читателю увидеть за образом "твердокаменного коммуниста" тонкую, оригинальную, неоднозначную натуру поэта и по-настоящему оценить его талант.

УДК 82-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC DCF
BISAC POE000000

ISBN 978-5-521-05293-6

© Т8RUGRAM, оформление, 2017

СТИХОТВОРЕНИЯ

А В Ы М О Г Л И Б Ы ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

1913

В Ы В Е С К А М

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песней
закружат созвездия «Магги» -
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!

1913

Я

1

По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле облака
застыли
башен
кривые выи —
иду
один рыдать,
что перекрестком
распяты
городовые.

2

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

Морей неведомых далеким пляжем
идет луна —
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.
За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий пестрополосая.
Венчается автомобильным гаражем.
целуется газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
украшен мишурными блестками
А я?
Несло же, палимому, бровей коромысло
из глаз колодцев студеныя ведра.
В шелках озерных ты висла,
янтарной скрипкой пели бедра?
В края, где злоба крыш,
не кинешь блесткой лесни.

8

В бульварах я тону, тоской песков оваян:
ведь это ж дочь твоя —
моя песня
в чулке ажурном
у кофеев!

3

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

У меня есть мама на васильковых обоях.
А я гуляю в пестрых павах,
вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.
Заиграет вечер на гобоях ржавых,
подхожу к окошку,
веря,
что увижу опять
севшую
на дом
тучу.
А у мамы больной
пробегают народа шорохи
от кровати до угла пустого.
Мама знает —
это мысли сумасшедшей ворохи
вылезают из-за крыш завода Шустова.
И когда мой лоб, венчанный шляпой фетровой,
окровавит гаснущая рама,
я скажу,
раздвинув басом ветра вой:
«Мама.
Если станет жалко мне
вазы вашей муки,
сбитой каблуками облачного танца,—
кто же изласкает золотые руки,
вывеской заломленные у витрин Аванцо?..»

4

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ

Я люблю смотреть, как умирают дети.
Вы приборя смеха мгlistый вал заметили
за тоски хоботом?

А я —
в читальне улиц —
так часто перелистывал гроба том.
Полночь
промокшими пальцами щупала
меня
и забитый забор,
и с каплями ливня на лысине купола
скакал сумасшедший собор.
Я вижу, Христос из иконы бежал,
хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.
Кричу кирпичу,
слов иступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
Отец мой!
Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется
дорогою дольней.

Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»

1913

О Т У С Т А Л О С Т И

Земля!
Дай исцелюю твою лысеющую голову
лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот.
Дымом волос над пожарами глаз из олова
дай обовью я впалые груди болот.
Ты! Нас — двое,
ораненных, загнанных ланями,
вздыбилось ржанье оседланных смертью коней.